

КАМЧАТСКИЙ ДЕРСУ УЗАЛА

Со страниц книг дальневосточного исследователя и путешественника Владимира Арсеньева вошел в нашу жизнь Дерсу Узала — таежный скиталец, следопыт, знаток природы. Но почти никто не знает, что на Камчатке был человек сродни Дерсу — Анисифор Крупенин. Каюр, проводник, мастер на все руки, бескорыстный и преданный в походах человек. Работая в Кроноцком заповеднике, он сопровождал исследователей в экспедициях. Во время походов геолог Татьяна Устинова и ее проводник Анисифор Крупенин открыли знаменитую ныне Долину гейзеров. Судьба подарила мне встречу с Крупениным. Оказалось, его жизнь и родословная многими нитями связаны с историей Камчатки.

... У теплого парящего озера он остановился, угадывая знакомые места.

— Вон по тому склону мы спускались в Долину. В ней все парило, шипело. Мы не ожидали увидеть здесь столько гейзеров. На зеленой лужайке поставили палатку. Лошадям было раздолье — после долгого пути по голым каменистым тропам они оголодали, а здесь было столько сочной травы. Ну, а мы, измученные тяжелыми походами, пошли купаться в теплом озере...

Мы слушали рассказ Анисифора Павловича Крупенина, первопроходца, оказавшегося в Долине спустя почти полвека после ее открытия.

— Это был наш второй поход в Долину — летом, в июле 41-го. Тогда и были обнаружены главные гейзеры. А первый гейзер мы встретили в апреле того же 41-года.

С Татьяной Ивановной Устиновой он отправился на собачьей упряжке обследовать реки Тихую и Шумную. В то время карт заповедника не было. Предполагали, что исток Шумной находится в кальдере вулкана Узон. Но так ли это? Необходимо было обследовать.

Поднялись на горный дол. У самой верхней кромки леса поставили палатку. А утром на лыжах отправились вдоль русла Шумной. Несколько раз приходилось переходить реку — скалы-непропуски преграждали путь. Полдня шли — ничего особенного. Изредка попадались

протаявшие пятна снега. Временами за поворотом поднимались клубы пара. Но проходили поворот — и снова ничего.

— Сели на камушек, — рассказывает Анисифор Павлович, перекусили — печенье, масло, чай. Времени оставалось лишь вернуться к ночи в лагерь. Говорю Татьяне Ивановне: “Докурю папиросу, чтобы в пути не останавливаться, и пойдем”. И вдруг на противоположной стороне фыркнул пар, и струя воды с гулом рванула наискосок через речку, прямо на нас. Мы прижались к скалистому берегу. Дохнуло горячим паром. Что бы это могло быть? Нашли переход через речку. Вода в ней была теплой. Измерили температуру — 28 градусов! Давай искать, откуда фонтан бил. Нашли среди камней щель. Вода бурлила в глубине и постепенно заполняла щель. Потом снова рванули струи воды и пара...

— Это же гейзер, — сказала Татьяна Ивановна.

Он и положил начало открытию Долины гейзеров. Было это 14 апреля 1941 года. Позже этот гейзер получил название Первенец.

На обратном пути поднялась пурга. Стихия обрушилась, словно не желая отпускать людей, предававших тайну природы.

Анисифор Павлович продолжает:

— Вырыл в снегу руками пещеру, в ней и прокоротали ночь. А утром пошли искать лагерь. Блуждали, вышли почти к океану на кордон заповедника, еле ногами ворочали. Лишь на третьи сутки нашли палатку и собачью упряжку...

Мы стояли с Анисифором Павловичем на краю каньона. Внизу с шумом перекачивалась на камнях речка. На склонах то в одном, то в другом месте вспухали султаны пара и воды. Пыхтела, ворочаясь в грязевом котле, глина. А рядом тоненькая струйка пара с четкой ритмичностью пульсировала из земли, словно отмеряла ход времени.

— И скалы, и гейзеры — такие же, как и тогда, когда мы впервые ступили в Долину. И озерца такие же. А вот деревья стали большими. Березка над озером была тоненькая, хрупкая. А сейчас не узнать — кряжистая, раскидистая...

В словах Анисифора Павловича я уловил оттенки грусти. Время неодинаково по отношению к дереву и человеку. Березе прошедшие полвека придали силы и красоты, а человека подвели к преклонному возрасту.

Крупенину было уже за семьдесят. Но выглядел он бодрым, энергично поднимался по склонам, много расспрашивал и сам много рассказывал. Можно было лишь догадываться, каким был он в молодости.

С Камчатки Анисифор Павлович уехал с семьей после разрушительного цунами 1952 года. Дом в поселке Кроноки, где он жил, смыло волнами, уцелевшие жители разъехались кто куда. От Татьяны Ивановны я и узнал адрес Крупенина.

Я строил планы побывать во время отпуска у Крупенина, который жил в поселке Горячеводском у Пятигорска. И вскоре получил от него ответ: “Ваше письмо подтолкнуло желание побывать в родных местах. У меня на Камчатке много родственников”.

Так состоялась встреча.

Мы решили побывать вместе в Долине Гейзеров. Но погода в тот год была неустойчивой. Дней десять провели мы в Петропавловске в бесплодном ожидании летней погоды. Мой сосед, командир вертолета Анатолий Фомин, предложил отправиться в Милюково: “Меня ждет там экипаж вертолета и заявка есть в До-

записи Крупенина отличались четкостью, были верны и аккуратны. Он все помнил, ничего не забывал. Все умел. Словом, был идеальным спутником и верным товарищем в походах. Я ему обязана жизнью не раз”.

А вот что вспоминает о Крупенине бывший в годы войны директором заповедника В. М. Элеш: “Это замечательный человек, с которым нигде в пути не пропадешь. О нем можно сказать очень много, и только хорошее: прежде всего он испытанный и очень опытный охотник, стрелял метко, как снайпер. Умел делать все отлично: нарты мастерил прекрасные, строил лодки, делал лыжи, сани, был отличным плотником и столяром. В походах — неутомимый ходок и неплохой повар. Знал хорошо повадки всех зверей... Если идешь с ним даже по самым диким местам Камчатки, всегда можно быть уверенным, что никаких неприятных случайностей в дороге не будет: все, в чем может быть нужда в пути — нож, ложка, вилка, шило, игла, нитка, кожа, подошвенная и простая, кусок материи, соль, перец, лавровый лист, — все у него есть. Кроме всего прочего, по характеру Крупенин — спокойный, уравновешенный человек. Он знал Камчатку, ее особенности летом и зимой, в любую пору года. Как лучше костер разводить, что для этого собрать, как поддерживать светлый огонь, без дыма, и спать в тепле без палатки и железной печи — все это он знал в совершенстве. В обращении со всеми он был мягок, улыбка не сходила с его приятного лица”.

К моменту встречи с Анисифором Павловичем у меня в блокноте была фамилия Крупенина Василия Ивановича, жителя Сероглазки, отличившегося во время обороны Петропавловска в 1854 году от англо-французской эскадры. Добровольцем он вступил в отряд ополченцев, храбро сражался за оборону Петропавловска и был награжден медалью. Не родственник ли Анисифору Павловичу, ведь он тоже уроженец Сероглазки? Я показал Крупенину репродукцию фотографии, находившейся в экспозиции краеведческого музея.

— Нужно уточнить у сестры Марии Павловны, она живет на улице Партизанской. Она старше меня и, возможно, знает...

Через час он позвонил мне по телефону:

— Сестра сказала, что это наш дед.

Мы съездили в краеведческий музей, где была экспозиция, посвященная обороне Петропавловска. На пожелтевшей от времени фотографии — старик с седой бородой, в длинной рубашке. На груди — медаль. Рядом с ним — женщина и трое детей, два мальчика и девочка.

— Это наши дедушка и бабушка и их дети — Иван, Александр и Калиста, наши дяди и тетя, — сказала Мария Павловна.

Василий Иванович Крупенин — казак. В 1853 году вместе с казачьими семьями (всего 63 человека) был переселен по указанию губернатора В. С. Завойко из упраздненной крепости в Гижиге. Они и основали на берегу Авачинской бухты поселение, которое назвали Сероглазкой.

— Наша бабушка прожила 115 лет, при этом 90 лет была слепой, — говорит Анисифор Павлович. — Но вырастила пятерых сыновей и дочь. Отец служил в Верхне-Камчатске, основанном еще Владимиром Атласовым. Там и женился на Феоктисте Иннокентьевне Верещагиной, камчадалке.

При упоминании фамилии Верещагиной сердце у меня дрогнуло. Ведь это же известнейшая в истории Камчатки фамилия. С Верещагиным, “служилым человеком”, встречался

С. П. Крашенинников. Сыновья Верещагина сыграли огромную роль в распространении православной культуры на Камчатке и Курильских островах. О старшем сыне Романе с теплотой писали участники экспедиции Дж. Кука.

От этого семейства, несомненно, тянется родословная ветвь матери Крупенина.

— Без родителей я остался рано, — продолжает Крупенин. — Отец умер, когда мне было три года. В 1917 году он сопровождал экспедицию С. В. Керцелли (в советское время С. В. Керцелли был инициатором образования Комитета Севера. — М. Ж.). На юге Камчатки она обследовала соболиные угодья. По рассказам, отец заболел оспой и похоронен где-то в бухте Асача. А через год умерла мать. Нас, пятерых детей, взяла к себе родственники. Я воспитывался в семье Поповых — Варвары Ивановны, родственницы матери, и Ивана Степановича. У них было пятеро своих детей...

Мы съездили к дому, где прошли детство и юность Анисифора Павловича. Он и сейчас цел — столетний дом из каменной березы на спуске от “Камчатгеологии” в Сероглазку.

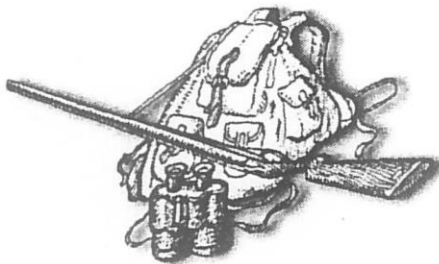
Род Крупениных прослеживается на Камчатке на протяжении полутора веков. Его представители осваивали полуостров, несли культуру и свет знаний, исследовали природные богатства, выступали на защиту края и в 1854 году от англо-французской эскадры, и в 1904 году от японцев (казак Павел Крупенин — не отец ли Анисифора Павловича? — был в составе группы, не допустившей в июле 1904 года высадки японцев на мыс Лопатку, и получил Георгия 4-й степени).

Ныне в родословной Крупениных — представители самых разных профессий и специальностей: моряки и рыбаки, капитаны судов и судоремонтники, лесники и земледельцы, геологи и журналисты. Они живут в Петропавловске и Милыкове, в Елизове и Эссо.

Уже после встречи с Анисифором Павловичем на Камчатке я получил письмо от Татьяны Ивановны Устиновой. “Возможно, вам будет интересно узнать, что была в гостях у Крупенина, слетала в Пятигорск. Ведь мы не виделись 40 лет. В бытность нашу на Камчатке он напоминал героев Фенимора Купера, был природным следопытом, серьезным и молчаливым человеком.

Но теперь мы вволю наговорились, вспоминая наши походы и Камчатку, которая является для нас самой светлой страницей жизни”.

Родословную Анисифора Крупенина (он умер в 1990 году) продолжают его дети, внуки и правнуки. Так что династия землепроходцев продолжается.

Постоянными спутниками Т. Устиновой в походах были Юрий Викторович Аверин проводник Анисифор Павлович Крупенин

лину гейзеров от экспедиции. А погода там чаще бывает летной, чем здесь”.

Теперь я благодарен ему за эту поездку. Потому что в пути на Мильково неожиданно открылись любопытные страницы жизни Крупенина.

— Я здесь каюрил на собачьей упряжке, — сказал Анисифор Павлович. — У меня было шесть собачек, и у Афанасия, родственника из Шаром, тоже упряжка. Вместе и отправились в путь 12 мая 1933 года. Снегу до Елизова почти не было. Ехали где по траве, где по лоскутку снега. Два дня до Елизова. На пятый день Малки. Потом Ганалы, Пушино. Дней за десять добрались до Шаром. В пути в селах показывали кинофильмы — с собой везли три кинокартины...

Он учился на столяра и плотника в фабрично-заводском училище в Петропавловске. И одновременно окончил курсы киномехаников. Ему предложили кинопередвижку. Транспорт — собачья упряжка. Место работы — Мильковский район.

Весной оставил собачью упряжку в Шаромах, купил старый бат, заделал щели и на бату с кинопередвижкой — вниз по реке Камчатке. Маршрут — от Начик до Средне-Камчатска и Толбачика. 14 населенных пунктов, 400 километров! Летом на бату, зимой на собачьей упряжке. “Кино приехало!” — разносилось от дома к дому. Сколько радости доставляло оно людям в отдаленных селах. А киномеханик везде был желанным человеком.

— Два года проработал киномехаником. Ну, а потом, как поется в песне, “на почте служил ямщиком”. На собачьей упряжке развозил почту из Начик. Маршруты были — один до Пу-

щина, другой — в Апачу, до косогора. У косогора палатка стояла. Сюда из Усть-Большерецка приезжал другой каюр. Здесь обменивались почтой, ночевали.

— Не страшно было одному ездить в безлюдных местах?

— А кого бояться? Волков, правда, встречать приходилось у Ганал, там их переход был к Вострякам. Но у меня винчестер был. Охотник из Ганал Калист Атласов подарил.

Анисифор Павлович вспоминает много любопытных случаев из каюрской жизни.

Однажды разбудили среди ночи в Начиках. Пришло начальство:

— Выручай, Павлович, нужно в Усть-Большерецк доставить представителя из области. Полуторка не может пройти через реку, лед проламывается. Будем платить как шоферу.

Ну, что ж, надо помочь. Запрягаю собак. “Где ваш пассажир?” — спрашиваю. “Вот он, — показал на женщину. “Софья Шемардина”, — представилась она. Оказалось, это жена Адамовича, начальника АКО. Работала она в обкоме партии, заведовала отделом. Поехали. Добрались до речки. Собачек кое-как переправили через тонкий ледок. А пассажирку на нарте пришлось по льду перетаскивать с помощью длинной веревки... День короток. Палатку поставим, наловим гольца, сварим уху — и дальше в путь. Так и добрались до косогора. А назавтра пурга. Несколько дней пурговали. Ну, а потом встретили собачью упряжку из Усть-Большерецка. Шла к нам на помощь. Она и доставила Шемардину к месту назначения. А я целый месяц ожидал ее в обратный путь. Интересная женщина была. Стихи вечерами читала. Рассказывала, что с Маяковским и Чуковским дружила. С мужем, Адамовичем, она приехала на Камчатку из Москвы. И что любопытно — в 35-м я перешел работать в АКО. В гараж. Знаете кем? Каюром. Не смейтесь, в то время собачьи упряжки, ох, как выручали! Занесет пурга дорогу, машина не проходит, а собачья упряжка везде пройдет. Ездил до судоверфи, в Сероглазку, по бухте. То коленчатый вал для машин привозил, то оси, то горючее. В 35-м в Мильково колонну тракторов и машин перегоняли по бездорожью. Так я из Петропавловска бензин для машин возил на собачьей упряжке до Хуторка...

Когда Крупенин в 1937 году пришел в заповедник, у него уже был солидный опыт работы каюром. В то время в Кроноках был всего один дом. “Мы стали строить новые дома и на усадьбе заповедника, и на кордонах. Заготавливали лес, собирали выброшенные морем бревна, возили на лошадях и собачьих упряжках. Постепенно обустроивались. С научными сотрудниками ходили в походы. Постоянно ходил с Татьяной Устиновой и ее мужем Юрием Аверинным, он птиц изучал. Обследовали территорию заповедника, выясняли места обитания птиц и зверей, наблюдая за их жизнью, охраняли от браконьеров”.

Вот что рассказывает о Крупенине Татьяна Ивановна Устинова: “Когда мы встретились, ему шел 28-й год. Это был камчатский Дерсу Узала. На редкость выносливый, неприхотливый, мужественный человек. Что ни попросишь — сделает. Из самой сложной обстановки найдет выход. Нет еды — потерпит. Случалось, по неделе одним чаем питались. Как помощник в научных делах был безупречен. Научился отменно препарировать коллекционный материал для Юрия Викторовича Аверина. Путевые